

ДЕРЕВНЯ БЛИЗКАЯ И ДАЛЕКАЯ: ОБРАЗ СЕЛА В СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ ПО ЧТЕНИЮ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ¹

THE VILLAGE CLOSE AND DISTANT: THE IMAGE OF THE VILLAGE IN SOVIET AND POST-SOVIET
READING BOOKS FOR ELEMENTARY SCHOOLS

Козлова М.А.

Доцент факультета социологии НИУ ВШЭ,
кандидат исторических наук
E-mail: makozlova@yandex.ru

Kozlova M.A.

Associate Professor at the Faculty of Sociology
of the Higher School of Economics, Candidate
of science (History)

E-mail: makozlova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается образ деревни, создаваемый в учебниках для начальной школы. Исследование строится в сравнительной перспективе: анализу подвергается контент учебников чтения советского (1974–1980 гг.) и постсоветского (2004–2005 гг.) периодов. В ходе анализа выявлено доминирование в учебниках постсоветского периода сельской среды над городской, сельского труда в деревне – над всеми прочими. При этом в постсоветских учебниках описания жизни села и трудовой деятельности крестьян гораздо менее детальные и информативные, нежели в учебниках советского периода. Хотя представлен поликомпонентный портрет деревни (деревня – кормилица, труженица, источник жизненных сил, «корневая система»

Annotation. The article describes the image of the village, created in elementary school textbooks. The research is based on the comparative perspective – analysis of the content of Soviet (1974-80), and post-Soviet (2004-05) textbooks. The analysis of the post-Soviet period textbooks revealed the dominance of the rural environment over the urban one, of the rural labor in the village over all other types. In the post-Soviet textbooks the descriptions of village life and work are much less detailed and informative than in the Soviet textbooks. The presented portrait of the village is a complex one (the village as a breadwinner, a laborer, a source of vitality, «root system» of the citizen, the keeper of traditions), but the national romantic component clearly dominates.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-06-00038а.

горожанина, хранительница традиций), в нем явно доминирует национально-романтический компонент.

Ключевые слова: начальная школа, учебник, деревня, сравнительный анализ.

Keywords: elementary school, textbook, countryside, comparative analysis.

---

*По двору гуляли куры, утки и прочая домашняя утварь.
Из школьного сочинения*

В публичный дискурс постоянно выносятся апокалиптические идеи о гибели российской деревни – ее разорении, запустении, повсеместной деградации – с акцентом то на социально-экономических, то на нравственных, то на психологических аспектах проблемы. «Постоянно» – это значит, что на протяжении, как минимум, двух столетий сожаления о судьбе деревни – убогости быта и скудости запросов крестьянства – и состоянии сельского хозяйства как отрасли экономики составляют эмоциональный фон рассуждений о сельской России.

Однако в последнее время научному осмыслению все чаще подвергается процесс дезурбанизации – характерное для постиндустриальных обществ миграционное движение населения из крупных городов в сельскую местность [11; 13; 17]. Это движение связано, в первую очередь, с действием факторов, «выталкивающих» людей из мегаполисов (неблагоприятной экологической обстановкой, транспортной загруженностью, высокой стоимостью жилья и т.п.), в сочетании с возможностями дистанционного обучения и работы в режиме удаленного доступа. Но в соответствии с теорией притяжения-выталкивания (pull-push theory of migration) [1] решение о перемене места жительства принимается и при учете тех приобретений, которые ждут индивида на новом месте.

Что ожидают приобрести современные горожане в деревне? В числе притягивающих факторов называются как исключительно экономические (многие россияне имеют полученные в наследство дома в сельской местности или возможность приобрести недорогое по городским меркам жилье) и экологические (чище воздух – почва – вода, «чище» информационная среда), так и культурные – образ деревни как места потенциально привлекательного для того, чтобы провести там жизнь и вырастить детей.

По всей видимости, этот образ весьма сложен и противоречив. Точнее, образы, складывающиеся у представителей разных социальных групп российского общества, вероятно, весьма различны, как и источники, вносящие лепту в формирование этих представлений. Представления горожан о селе могут составить предмет не одного исследования. Затронем лишь один аспект проблемы – образ деревни, транслируемый школьными учебниками для начальной школы. Проанализируем упоминания деревни в текстовом и иллюстративном материале учебных книг советского периода («Родная речь» для 1–3 классов, вышедших в издательстве «Просвещение» в 1974–1980 гг.) и постсоветских учебников

по литературному чтению, вышедших в издательствах «Просвещение» и «Дрофа» в 2004–2005 гг.

Рассмотрим количественные (сколько раз) и качественные (в каком контексте и с каким эмоциональным наполнением) параметры упоминаний села/деревни в учебниках по литературному чтению для начальной школы и на этой основе постараемся выявить направленность трансформаций образа деревни, преподносимого детям в последние советские и первые постсоветские десятилетия.

Сравнительный анализ частотности упоминаний села, типов активности и социально-демографических характеристик персонажей в учебниках по чтению для начальной школы советского и постсоветского периодов

Прежде всего, отметим, что подсчет процентной доли текстов и иллюстраций, включающих упоминания деревни, производился по отношению ко всем текстам и иллюстрациям, содержащимся в учебниках. Не всегда использование самого слова «деревня» позволяет определить локализацию действия. Так, в учебнике для 1 класса 2004 г. издательства «Просвещение» слово «деревня» встречается лишь 1 раз, причем в небылице «ехала деревня мимо мужика» [20, с. 46]. Потому мы используем дополнительные индикаторы:

- соответствующая лексика и визуальное изображение («село», «деревня», изба);
- изображения/указания на сугубо сельские объекты среды (хлев, колодец и т.п.), профессии (крестьянин, тракторист, доярка и т.п.), процессы (пахать, доить) и результаты труда (вспаханное поле, собранный урожай);
- источники продуктов питания и других товаров (поле, огород, домашний скот).

Начнем с представления количественных показателей – числа иллюстраций и литературных текстов, в которых упоминаются деревня/село (в учебниках советского периода – таблицы 1–2, в постсоветских учебниках – таблицы 3–4), в соотношении с другими типами окружающей среды (город/дикая природа).

Данные, представленные в таблицах 1–2, демонстрируют почти равную представленность городской и сельской среды в текстовом материале советских учебников для начальной школы и несущественное преобладание первой в иллюстрациях (за исключением текстового материала учебника для 3 класса, где преобладание городской среды более существенно).

В учебниках постсоветского периода, как видно при сравнении данных, приведенных в таблицах 1–2 и 3–4, пропорция меняется. Село как пространство, в котором разворачиваются события, описанные в тексте, встречается в 2,5 раза чаще, чем город. В иллюстративном материале соотношение 2:1. Исследование, проведенное московскими социологами в начале 2000-х гг., также выявило в содержании учебников для начальной школы 1990-х гг. высокую представленность аграрной тематики и преобладание традиционных элементов сельского быта над описаниями городской жизни [3, с. 20–21]. Данные, отраженные в таблицах 3–4, позволяют констатировать сходную ситуацию: городская среда представлена в одном тексте/иллюстрации из десяти; доминируют тексты и иллюстрации,

Таблица 1

Тип среды, отображенной в текстовом материале учебников по чтению советского периода (количество/процент от общего числа)

Тип среды	«Родная речь»: «Просвещение», 1974–1980 гг.			
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	Среднее (%)
Общее кол-во текстов	203	168	152	100
Село	33/16	21/12	19/13	14
Город	31/16	25/15	26/17	16
Дикая природа	69/34	70/42	47/31	35
Не определено	70/34	52/31	60/39	35

Таблица 2

Тип среды, отображенной в иллюстративном материале учебников по чтению советского периода (количество/процент от общего числа)

Тип среды	«Родная речь»: «Просвещение», 1974–1980 гг.			
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	Среднее (%)
Общее кол-во иллюстраций	87	74	103	100
Село	9/10	12/16	12/12	13
Город	11/13	11/15	24/23	17
Дикая природа	31/36	17/23	29/28	30
Не определено	36/41	34/46	38/37	40

описывающие виды и события, происходящие на лоне дикой природы. Село/деревня упоминаются или представляют место действия в каждом пятом тексте/иллюстрации.

Учитывая, что, по данным Всероссийской переписи населения начала 2000-х гг., две трети детей младшего школьного возраста жили в городах², преобладание городской тематики в учебниках того периода или, по крайней мере, равное соотношение урбанистических пейзажей и картин сельской жизни кажется более логичным. Существенно усилившийся акцент на изображении села и дикой природы – явление, безусловно, требующее осмысления. Можно предположить, что его основу составили глубинные трансформации ценностных основ постсоветского общества, сопровождавшие кардинальные политические и социально-экономические изменения. Вероятно, состояние аномии и утраты перспективы

² По данным переписи 2002 г., численность детей в возрасте 6–10 лет, проживающих в городе, составляет 4 961 987 чел.; численность их сверстников – жителей села равна 2 401 727 чел. Доли обеих групп равны 67 и 33% соответственно [7].

Таблица 3

Тип среды, отображенной в текстовом материале учебников по литературному чтению постсоветского периода (количество/процент от общего числа)

Тип среды	«Литературное чтение»: «Просвещение», 2004 г.				«Литературное чтение»: «Дрофа», 2002–2004				Среднее (%)
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	
Общее кол-во текстов	168	166	122	135	166	275	182	192	100
Село	8/5	43/26	35/28	30/22	17/10	71/26	64/35	44/23	22
Город	6/4	13/8	18/15	31/23	9/6	12/4	16/9	12/6	9
Дикая природа	10/6	30/18	40/33	35/26	47/28	64/23	35/19	46/24	22
Не определено	144/85	80/48	29/24	39/29	93/56	128/47	67/37	90/47	47

Таблица 4

Тип среды, отображенной в иллюстративном материале учебников по литературному чтению постсоветского периода (количество/процент от общего числа)

Тип среды	«Литературное чтение»: «Просвещение», 2004				«Литературное чтение»: «Дрофа», 2002–2004				Среднее (%)
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	
Общее кол-во иллюстраций	139	258	178	155	198	327	174	157	100
Село	15/11	34/13	37/21	26/17	28/14	71/22	52/30	26/17	20
Город	17/12	21/8	34/19	23/15	5/3	18/6	17/9	21/13	10
Дикая природа	43/31	47/18	40/22	38/25	52/26	79/24	55/32	54/34	26
Не определено	64/46	156/61	67/38	68/44	113/57	159/48	50/29	56/36	44

развития социума конца 1990-х – начала 2000-х гг. побудило педагогическое сообщество в поисках ценностных и нравственных ориентиров воспитания новых поколений обратиться к тому, что не вызывает идеологических дискуссий – стихам русских классиков о природе, и к тому, что представляется незыблемым и вечным, – этническим корням культуры.

Это второе соображение, видимо, и привело к существенному расширению корпуса текстов, рекомендованных для начальной школы, за счет произведений русского фольклора: песенок-закличек, загадок, колыбельных и потешек. Учитывая, что на рубеже веков

российское общество пережило всплеск национального самосознания, обусловленный, кроме прочего, описанной потребностью в конструировании новой, позитивной и стабильной идентичности, включение «аграрного компонента», понимаемого в данном случае как «этно-традиционалистское», вливание в контент учебников для начальной школы представляется вполне закономерным. Интернациональный контекст, мало знакомый российским авторам – составителям учебников, мы в данном исследовании не учитываем.

Обратившись к текстовым и визуальным изображениям сельских жителей, рассмотрим характер активности персонажей, используя следующие градации: сельскохозяйственный труд (работа на огороде, в поле, уход за животными), иная трудовая деятельность сельских жителей (работа по дому, уход за детьми, ремесленное производство), отдых (таблицы 5–8).

Таблица 5

Сфера активности селян в учебниках советского периода (литературные тексты)*

Сфера активности		«Родная речь»: «Просвещение», 1974–1980			
		1 кл.	2 кл.	3 кл.	Общее число
Общее кол-во текстов		33	21	19	77
С/х труд	Процесс	17	9	6	32
	Результат	3	2	6	11
Иной труд		9	7	6	22
Отдых		4	5	1	10

* Здесь и далее подсчет процентного соотношения для учебников советского периода и отдельно по постсоветским учебникам для разных классов невозможен, поскольку число текстов и иллюстраций по исследуемой теме относительно невелико, процентное соотношение вычисляется по всему исследуемому массиву. Сумма не равна 100%, поскольку анализ активности персонажей (таблицы 7–8) и социально-демографических характеристик (таблицы 11–12) предполагает наличие в тексте/на иллюстрации самого персонажа, однако встречаются как тексты/иллюстрации без персонажей (пейзаж с изображением села на дальнем плане), так и тексты, где несколько персонажей заняты разными видами деятельности.

Таблица 6

Сфера активности селян в учебниках советского периода (иллюстрации)

Сфера активности		Родная речь: Просвещение, 1974–1980			
		1 кл.	2 кл.	3 кл.	Общее число
Общее кол-во иллюстраций		9	12	12	33
С/х труд	Процесс	5	7	5	17
	Результат	1	1	0	2
Иной труд		1	3	4	8
Отдых		2	0	3	5

Несмотря на то что отсутствие возможности вычислить процентное соотношение делает представленные в таблицах 5–6 данные менее наглядными, мы видим преобладание и в текстовом, и в иллюстративном материале отображения процесса сельскохозяйственного труда. Труд крестьянина/колхозника описывается в учебниках советского периода довольно детально:

Вот и хлеба созрели. С утра ползет по хлебному полю комбайн. Косит спелую рожь, сразу обмолачивает. Оставляет на поле вороха соломы.

Сбоку пристраиваются к комбайну грузовики. Забирают зерно. На ходу идет погрузка. Люди торопятся. Про отдых забыли.

Поскорей надо убрать хлеб, пока зерно не осыпалось, пока сухая погода держится...

Весь день пылят по дороге грузовики. Задыхаются, приседают от тяжести. До бортов полны зерном.

И даже не верится, что весь хлеб висел, качался в поле на тоненьких стебельках.

– Как же вы, стебли, выдержали?

– Дружно – не грузно!..

Дни стали ненастные, ночи холодеют.

И на колхозных огородах начали овощи убирать, чтобы не портились, не померзли.

Сначала убрали огурцы-голыши.

Потом – лук в бумажных рубашках.

Потом бобы в шерстяных чулочках.

Убрали репу, брюкву, редьку, морковь, свеклу, турнепс и разную петрушку.

Одна капуста осталась. Ее позже всех убирают. У нее, у капусты, семьдесят семь одежек, она холода не боится!..

Выкопали картошку, просушили ее, увезли с поля.

Но не всю.

Самые отборные картошины аккуратно разложили на чистой песчаной площадке.

Лежит картошка, загорает на слабом осеннем солнышке. Загар у нее особенный, делается картошка золотисто-зеленой. Ее осторожно поворачивают, чтобы загорела ровненько со всех сторон. Ведь загар полезен для здоровья! Этой картошке лежать в погребе до следующей весны. Отборную эту картошку оставили на семена. Ей нельзя болеть.

Вот загорит она хорошенько и тогда не загниет, не заплесневеет, не сморщится. Не тронут ее мыши. Проспит здоровым сном до будущей весны [19, с. 25–26].

Такого рода подробные описания сельскохозяйственного труда в учебниках чтения советского периода встречаются неоднократно. Однако лишь незначительное число текстов создает относительно полную картину жизни села, сочетая описания труда и отдыха колхозников:

Колхозные ребята собирают в лесу грибы, спелую малину и чернику. А где лещина есть, там не выгнать ребятшек из нее в эти дни: собирают орехи, набивают полные карманы.

Колхозники двинулись на картофельные поля – картошку копать. Пошли в ход картофелекопательные машины. Ребячишки костры жгут, печечки в земле устраивают; тут же пекут и едят обугленные картошины [4, с. 261–263].

Представление сельской жизни в постсоветских учебниках для начальной школы совершенно иное.

В постсоветских учебниках в текстовых материалах ведущее место занимает изображение труда крестьянина как непосредственно в сельском хозяйстве, так и в иных сферах (воспитание и уход за детьми, ремесленное производство, приготовление пищи и т.п.), в иллюстративном материале лидирует отражение свободного времяпрепровождения – отдыха. Впрочем, в смысловой блок «отдых» включены и тексты/иллюстрации,

Таблица 7

Сфера активности селян в учебниках постсоветского периода (литературные тексты)

Сфера активности	«Литературное чтение»: «Просвещение», 2004				«Литературное чтение»: «Дрофа», 2002–2004				Общее число/%	
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.		
Общее кол-во текстов	15	34	37	26	28	71	52	26	289	
С/х труд	Процесс	2	7	3	12	2	16	20	5	67/23
	Результат	2	2	4	5	3	22	15	4	57/20
Иной труд	4	12	18	7	4	16	11	29	101/35	
Отдых	0	6	8	3	2	20	17	1	57/20	

Таблица 8

Сфера активности селян в учебниках постсоветского периода (иллюстрации)

Сфера активности	«Литературное чтение»: «Просвещение», 2004				«Литературное чтение»: «Дрофа», 2002–2004				Общее число/%	
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.		
Общее кол-во иллюстраций	8	43	35	30	17	71	64	44	312	
С/х труд	Процесс	3	5	2	4	4	6	10	0	34/11
	Результат	2	1	5	4	4	16	10	8	50/16
Иной труд	3	23	7	4	2	21	9	8	77/25	
Отдых	3	10	14	6	8	23	12	1	77/25	

отображающие исполнение обрядов (хороводы, игры). Они могут считаться отдыхом, совпадая с ним по форме, хотя имеют ориентацию на результат (богатый урожай, доброе здоровье, процветание общины). Исполнение соответствующих ритуалов можно считать отдыхом лишь условно.

Наконец, рассмотрим социально-демографические характеристики изображенных персонажей-селян: пол и возраст (дети – взрослые средних лет – старики). Маркерами пола и возраста в тексте и на рисунках выступают (помимо прямого указания на возраст) имя персонажа/используемое окружающими обращение к нему, одежда/прическа, особенности внешнего облика (таблицы 9–12).

Таблица 9

**Социально-демографические характеристики персонажей
в учебниках советского периода (литературные тексты)**

Соц.-дем. хар-ки персонажей	«Родная речь»: «Просвещение», 1974–1980			
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	Общее число
Общее кол-во текстов	33	21	19	77
Женщины	8	5	2	15
Мужчины	12	5	7	24
Дети	13	10	5	28
Взрослые	12	4	6	22
Старики	3	1	3	7

Таблица 10

**Социально-демографические характеристики персонажей в учебниках советского
периода (иллюстрации)**

Соц.-дем. хар-ки персонажей	«Родная речь»: «Просвещение», 1974–1980			
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	Общее число
Общее кол-во иллюстраций	9	12	12	33
Женщины	2	5	6	13
Мужчины	3	4	7	14
Дети	2	3	9	14
Взрослые	2		5	7
Старики	1	6	2	9

Как видно из таблиц 9–10, в текстах учебников советского периода преобладает изображение лиц мужского пола, а соотношение детей и взрослых примерно равное, в иллюстративном материале представлены преимущественно дети и старики³ обоего пола в приблизительно одинаковом соотношении.

Таблица 11

**Социально-демографические характеристики персонажей
в учебниках постсоветского периода (литературные тексты)**

Соц.-дем. хар-ки персонажей	«Литературное чтение»: «Просвещение», 2004				«Литературное чтение»: «Дрофа», 2002–2004				Общее число/%
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	
Общее кол-во текстов	15	34	37	26	28	71	52	26	289
Женщины	1	10	16	9	9	22	12	24	103/36
Мужчины	2	16	20	13	6	27	15	14	113/39
Дети	1	11	17	6	5	17	21	26	104/36
Взрослые	2	11	14	17	5	19	11	20	99/34
Старики	2	4	8	3	5	11	9	5	47/16

Таблица 12

**Социально-демографические характеристики персонажей
в учебниках постсоветского периода (иллюстрации)**

Соц.-дем. хар-ки персонажей	«Литературное чтение»: «Просвещение», 2004				«Литературное чтение»: «Дрофа», 2002–2004				Общее число/%
	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.	4 кл.	
Общее кол-во иллюстраций	8	43	35	30	17	71	64	44	312
Женщины	5	17	18	5	10	36	21	8	120/38
Мужчины	12	21	24	10	13	47	27	6	160/51
Дети	8	19	10	8	14	43	28	7	137/44
Взрослые	4	13	14	6	4	19	23	7	90/29
Старики	3	8	11	1	5	16	10	3	57/18

³ В случае если на картинке был изображен комбайн, собирающий зерно в поле, а управляющий им персонаж не виден, мы относили эту иллюстрацию к числу отображений процесса сельскохозяйственного труда, но характеристики персонажа не отмечали. Обилие подобных иллюстраций и создало указанную диспропорцию.

В текстовом материале учебников постсоветского периода соблюдено почти равное соотношение героев обоих полов и разных возрастов, которое нарушается в иллюстративном материале в пользу мужчин и детей. Данные, представленные в таблицах 11–12, противоречат закономерностям изображения сельской среды, выявленным другими авторами в букварях, которые предназначены для учащихся национальных школ [6].

В частности, в удмуртских букварях изображения национальной деревни прочно ассоциированы с «бабушками» – женщинами преклонных лет – носительницами национальной культуры. Учебники по литературному чтению, предназначенные для младших классов общеобразовательных российских школ, создают более «моложавый» образ деревни, прежде всего, в разделах, где собраны произведения устного народного творчества. Хотя речь в них идет о действительно архаичном способе мировосприятия, отраженном в фольклоре, о принципиально чужой и непонятной современным детям среде обитания, главными действующими лицами на иллюстрациях оказываются именно дети. Старшее поколение представлено преимущественно в разделах, посвященных сказкам («Жили-были дед да баба...»). Это наблюдение позволяет нам дифференцировать формируемые учебниками образы деревни: «моложавая» русская деревня и «весьма пожилая» инородческая⁴.

В гендерном соотношении мы наблюдаем равновесие в текстовом материале и выраженное преобладание мужчин в иллюстрациях – опять же, в первую очередь, за счет младшей возрастной группы: мальчишки и играют во дворе, и помогают родителям в полевых работах.

Итак, количественный анализ контента учебников по чтению для начальной школы позволяет заключить, что в пособиях постсоветского периода, по сравнению с советскими учебниками, деревня/село упоминается значительно чаще, сельская среда доминирует над городской, сельский труд в деревне (как непосредственно аграрный, так и «сопутствующий») – над всеми прочими (работа сельского жителя в городской фирме через Интернет даже и на горизонте не появляется). При этом в постсоветских учебниках описания жизни села и трудовой деятельности крестьян гораздо менее детальные и информативные, нежели в учебниках советского периода. Более того, центральное место занимает обрядовая и рекреационная активность. Мы предполагаем, что основная задача столь активного обращения составителей учебников в первое постсоветское десятилетие к теме села как воплощения стабильности – поиск ценностно-смысловых ориентиров развития всего российского общества. Не случайно поэтому героями текстов и визуальных изображений деревни чаще всего становятся дети: в условиях ценностно-нормативного вакуума первых постсоветских десятилетий взрослые оказались неспособными предоставить новым поколениям необходимые ориентиры. Важно интериоризировать некие ценностные аспекты культуры, и потому столь существенное место в постсоветских учебниках занимает обрядовая тематика.

Учитывая эти соображения, обратим более пристальное внимание на детали образа деревни, конструируемого в учебниках постсоветского периода.

---

⁴ Этот имперский термин мы используем не случайно: разделение «русские»/«все остальные» было и остается актуальным в советских и российских учебниках.

Анализ компонентов образа деревни в постсоветских учебниках по литературному чтению для начальной школы

Приступая к интерпретации упоминаний о селе/деревне в литературных текстах и визуальном контенте учебников по литературному чтению, заметим, что сельская среда представлена в них двумя блоками: в фольклорных текстах и произведениях (преимущественно поэтических) русских классиков.

В поисках «штрихов к портрету» деревни обратимся сначала к разделам, посвященным фольклору. Тем более что произведения устного народного творчества занимают существенное место в современных учебниках по литературному чтению для всех классов начальной школы. В народных песнях, сказках и закличках создается целостный образ человека и окружающего его мира, характерный для традиционной русской крестьянской культуры. Таким образом, первый штрих – архаичность русской деревни. Рассмотрим на примере этой архаики более детально.

Земля/деревня-кормилица

В разделах, посвященных фольклору, Земля-кормилица является основным персонажем:

*Иди, весна,
Иди, красна.
Принеси ржаной колосок,
Овсяный снопок,
Большой урожай
В наш край [20, с. 44].*

Сопровождают подборку такого рода песенок-закличек рисунки, изображающие деревню, где весенний пейзаж (черная земля с остатками снега и голые деревья) сливается с летним (золотисто-зеленые поля). Потребность в исполнении календарных обрядов порождалась в архаичной культуре ощущением неподвластности природных сил воздействию человеческого труда. Какие бы усилия ни прикладывал крестьянин, они могли оказаться тщетными, если такова будет прихоть Природы. Поэтому, совершая все рациональные действия, связанные с обработкой земли, человек в традиционной культуре, не имеющий никаких гарантий успешности предпринимаемых усилий, пытается умиловить неконтролируемые природные силы, чтобы получить конкретный продукт (ср. суть магии по Б. Малиновскому: использование неэмпирических средств для получения эмпирического результата [10, с. 91–95]).

Встречаются заклички, в которых описывается крестьянский труд:

*Весна-красна!
Что нам принесла?*

– Принесла я вам четыре угодья:
Первое угодье –
Воды половодье,
Второе угодье –
Пахаря в поле.
Третье угодье –
Скотинушку в поле.
Четвертое угодье –
Народу доброе здоровье [23, с. 8].

Мы непосредственно приблизились к следующему аспекту образа деревни, представленному в учебниках для начальной школы: *деревня-труженица*. Вполне естественно, что развести образы «кормилицы» и «труженицы» можно, лишь искусственно разорвав нерушимую связь между ними. Крестьянский труд – это труд физический, направленный на обеспечение домохозяйства натуральным продуктом – хлебом, дровами, сеном и т.д.

В разделе, посвященном произведениям русских и советских писателей, труд крестьянина представляется как явление, родственное природному, что, безусловно, созвучно фольклорным текстам (иногда буквальное повторение фольклорной формы – это специально используемый автором прием):

...И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля досыта;
    На поля, сады,
    На зеленые,
    Люди сельские
    Не насмотрятся...
Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.
    Дума первая:
    Хлеб из закрома
    Насыпать в мешки,
    Убирать воза;
А вторая их Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать... [9, с. 156–157].

Песенки-заклички, также как и сказки, созданные доиндустриальной, аграрной культурой, отражают представление о труде как о неизбежности, с которой рядовой

член общества должен мириться. Поэтому приложение усилий вознаграждается (в одном из приведенных примеров выстроена временная, даже причинно-следственная связь: пахарь в поле – народу доброе здоровье), а нежелание индивида участвовать в жизненно важной деятельности сообщества немедленно влечет за собой наказание (наиболее очевидно это прослеживается в сюжетных линиях сказок «Морозко», «Про Ленивую и Ради-вую» и др.).

В контенте учебников для начальной школы тема крестьянского труда как процесса представлена широко. Так, учащимся предлагается произведение, описывающее борьбу за хлеб в засушливый год («Митя видел, как тяжело было матери, как она упиралась в плуг впереди себя, когда слабели волю» [15, с. 48]), а в особенности иллюстрация к нему, где тяжесть труда передана и сочетанием цветов, и выражением лиц, и положением фигур работающих персонажей. Однако это случай почти уникальный. В большинстве текстов, где есть описания крестьянского труда, тяжесть процесса не акцентируется: «...и весь этот, по-видимому, тяжелый труд производился легко, бодро и весело», что, конечно, не умаляет его ценности: «важность и святость труда, которых я не мог тогда вполне понять и оценить, однако глубоко поразили меня» [2, с. 40].

Гендерная специфика труда особенно ярко выражена в колыбельной, где будущая судьба малышки – не что иное, как исполнение разного рода обязанностей в сельскохозяйственной сфере и в доме:

*Баю-баю девочку,
На полянке жнеюшку,
На лугу грабеюшку,
У стола стряпеюшку,
У окошка швеюшку [24, с. 9].*

Еще один аспект образа деревни требует выделения в отдельный блок. Вследствие своей близости к природе село представляется как ресурс жизнеобеспечения, однако не в прямом смысле – пропитания, а в сакральном: «цветок <...>, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мертвого праха. Стало быть, он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело, и пахнет от него самого чистым духом <...> Цветок этот – самый труженик, он из смерти работает жизнь <...> А мы пахари, Афонюшка, мы хлебу расти помогаем» [16, с. 134].

*Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор! [12, с. 163–164].*

В фольклорном материале этот аспект также представлен:

*– Попей, Илья. В этом ковше вода всех рек, всех озер Руси-матушки.
Выпил Илья и почувал в себе силу богатырскую... [8, с. 44–49]*

Важнейший семантический блок, используемый в конструировании образа деревни, – тождество «моя земля – моя страна». В архаичной земледельческой культуре сам принцип натурального хозяйства предполагал привязку жилья к средству производства – обрабатываемому полю. В современном мире эта пространственная близость перестала играть сколько-нибудь важную роль, однако она стала скорее символической. В формировании образа деревни огромное значение имеет актуализация горизонтальных и вертикальных социальных связей, иными словами, связей с современниками и предками. Именно в этом символическом плане близость погоста, где покоятся родители и деды, остается значимым фактором – очевидной привязкой к земле, визуализацией личной и общинной истории.

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои. <...>
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь [21, с. 79–80].*

Видимо, через трансляцию данного аспекта и должна реализовываться ценностно-символическая функция образа деревни.

Нельзя не упомянуть и те черты образа деревни, которые несут, скорее, негативную эмоциональную нагрузку. Естественно в связи с этим обратиться к включенным в контент учебников по литературному чтению произведениям русских классиков, которыми создается внутренне противоречивый образ деревни. Показательно, что в учебнике для 4 класса издательства «Просвещение» раздел «Поэтическая тетрадь» с подзаголовком «Светлый край берез, моя Россия!» начинается статьей, которая знакомит учащихся со спецификой поэтических произведений – ритмическим строем и рифмой – на примере стихотворения Ф.И. Тютчева:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа! [18, с. 135].*

Здесь пара слов – селенья/долготерпенья – используется для объяснения сути рифмы. Вместе с тем, как уже говорилось в начале настоящей статьи, сожаления о судьбах деревни для городской русской интеллигенции глубоко традиционны.

*Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,*

*Убогим видом черных хат...
Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей [5, с. 173].*

Сопровождающая стихотворение иллюстрация – рисуночное изображение серых покосившихся избышек – отражает сразу несколько негативных аспектов образа русской деревни: бедность и отсутствие перспектив экономического развития, несмотря на тяжелый каждодневный труд; скука (скудность рекреационных и в целом – культурных ресурсов деревни).

Если в визуальном материале достаточно изобразить несколько избышек, чтобы передать читателю этот комплекс проблем, то в литературном контенте эти аспекты оказываются «разнесены» по разным произведениям разных авторов.

В стихотворении А.Т. Твардовского доминирующий мотив – бедность и отсутствие перспектив:

*На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез,
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос. <...>
Я помню нашей наковальни
В лесной тиши сиротский звон,
Такой усталый и печальный
По вечерам, как будто он
Вещал вокруг о жизни трудной,
О скудном вырубкою дне
В той небогатой, малолюдной,
Негромкой нашей стороне [22, с. 150-152].*

У И.С. Никитина – скука и однообразие быта:

*Зато как скучен я бывал,
Когда сырой туман осенний
Поля и дальние деревни,
Как дым свинцовый, одевал,
Когда деревья обнажались
И лился дождь по целым дням,
Когда в наш дом по вечерам
Соседи шумные сбিরались,
Бранили вечный свой досуг,
Однообразный и ленивый [14, с. 247].*

Итак, образ деревни масштабно и многогранно представлен в учебниках по литературному чтению для начальной школы, выпущенных ведущими издательствами в 2000-х гг. Портрет деревни, хотя его и нельзя назвать детализированным, тем не менее сложен и поликомпонентен: кормилица, труженица, источник жизненных сил, якобы «корневая система» горожанина, позволяющая подпитаться мудростью предыдущих поколений и чистотой родных просторов, хранительница традиций – базис, обеспечивающий потенциал интеграции общества, как в вертикальном, так и в горизонтальном измерениях. Насколько жизнеспособны сегодня эти образы?

В архаической культуре, широко представленной в школьных учебниках фольклорным материалом, земля, особенно окультуренная, несет сакральное значение: это единственный ресурс выживания. В современном мире доля продуктов сельского хозяйства в общем потреблении невелика, и село неизбежно сдвигается на периферию интересов современного человека. Естественно поэтому, что нынешняя школа не знакомит детей с тем, как растет хлеб, доятся коровы, несутся куры и т.п. Постсоветский учебник представляет по преимуществу исходный (таяние снега на полях – ср. песенки-заклички, приглашающие весну с ее дарами) – и конечный (колосющиеся поля) срезы сложного сельскохозяйственного процесса, из которого собственно крестьянский труд выпадает. И хотя любому здравомыслящему взрослому человеку понятно, что сельскохозяйственный труд тяжел и невыгоден, поскольку имеет естественные и потому неизбежные ограничения в части механизации и компьютеризации, детям он представлен, за редким исключением, в лубочно-нарядном воплощении.

Деревенская жизнь связана и с рядом культурных ограничений, без сомнения, очевидных для современного человека: ограничения в модусах потребления (в первую очередь, это касается даже не товаров повседневного спроса, а услуг – медицины, образования, проведения досуга), в отдыхе, в новизне (на фоне демонстрируемого хотя бы по телевизору ритма жизни современного мегаполиса размеренность сельского уклада выглядит застоем), в информации (что делает сельского жителя гораздо более доверчивым), в общении.

Отсюда основной вектор устремлений жителей современной деревни – вырваться из деревенской жизни. Дети жителей села оказываются в городе, как правило, с родительского благословения. Программа закладывается со школьных лет: будешь успешен – уедешь в город. И наоборот: уехал в город, значит, успешен. Кстати, в учебниках для начальной школы миграционный вектор также представлен. В двух художественных произведениях, включенных в учебник для 4 класса издательства «Просвещение», демонстрируются цели, механизмы и эффекты миграции из села в город: «Повесть о Петре и Февронии» [18, с. 35–39], «Конек-Горбунок» [18, с. 69–90]. В первом из упомянутых произведений героиня-крестьянка оказывает помощь князю с условием, что он женится на ней и увезет в город (типично женский тип миграционного поведения и механизм вертикальной социальной мобильности). В сказке П. Ершова главный герой реализует стратегию, которую принято называть трудовой миграцией: попадая в город, понимает, что работа на царской конюшне сулит ему совершенно иной уровень доходов, и остается на царской службе. Кроме того, в очерках о биографиях писателей неоднократно упоминается переезд героя из поместья в город для учебы.

Современный человек мобилен, технологии позволяют работать дистанционно, живет он не там, где его репа растет, а где захочет. Архаическая связка «родная земля – дом – благополучие» не отвечает современным представлениям об освоении и присвоении пространства. Еще в советский период перемещение огромных масс людей стало частью государственной политики: великие стройки, перемещения репрессированных народов, система распределения выпускников вузов и т.п., но самостоятельная, «самовольная» миграция не поощрялась. В современном обществе вопрос о миграции порождает противоречивые дискурсы: позитивный с точки зрения глобализации и негативный с точки зрения трансформируемого в постсоветское время горизонта советских стереотипов.

Конструкты, порожденные архаической культурой, сегодня нежизнеспособны, однако сознание современного человека, продолжая цепляться за них, рождает романтический образ деревни как компенсацию утраты. Поддерживается этот образ произведениями русской классической литературы. Не будем распространяться на тему «любви на расстоянии», заметим лишь, что именно в этой интерпретации «заезжего барина» деревня и представляется современному школьнику. Многогранный образ с легким налетом порой – скуки, порой – чувства вины вряд ли до конца понятен 7-10-летнему ученику начальной школы. Очевидна лишь доминанта национально-романтического, возвращающего к «истокам» и ностальгического образа «родного пространства», который встречает школьника в учебной книге.

Список литературы:

1. Lee, E. A. Theory of Migration//Demography / E. A. Lee. – 1966. – № 1. Vol. 3. – P. 47–57.
2. Аксаков, С. Т. Детские года Багрова-внука / С. Т. Аксаков // Чтение и литература. 3 кл. : учеб. : в 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост. О. В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2003.
3. Оценка школьных учебников с позиций личностных смыслов и учебных задач : науч.-методич. материалы / А. Д. Андреева, Е. Е. Данилова, И. В. Дубровина, Г. А. Суворова. – М.: Лица, 2003.
4. Бианки, В. Колхозный календарь / В. Бианки // Родная речь : учеб. для 2 кл. / сост. М. С. Васильева, Л. А. Горбушина, Е. И. Никитина, М. И. Оморокова. – М.: Просвещение, 1974.
5. Бунин, И. А. Родине / И. А. Бунин // Родная речь : учеб. по чтению для учащихся нач. шк. : в 3 кн. Кн. 3. Для 4 кл. Ч. 1 / сост. М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М.: Просвещение, 2004.
6. Власова, Т. А. Репрезентация национальной культуры в современных русских и удмуртских букварях / Т. А. Власова // «На фоне Пушкина воспитанное детство»: педагогика визуального в учебнике и на картине : сб. ст. и материалов / под ред. М. В. Тендряковой, В. Г. Безрогова. – Москва, 2011. – (Труды Международного научного семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 8). – С. 16–33.
7. Все население, городское и сельское, по полу и возрасту // Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке.

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31>.
8. Как Илья из Мурома богатырем стал / былина в пересказе И. В. Карнаухова // Чтение и литература. 4 кл. : учебник : в 3 ч. Ч. 2 / авт.-сост. О. В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2004.
  9. *Кольцов, А. В.* Урожай / А. В. Кольцов // Родная речь. : учеб. по чтению для учащихся нач. шк. : в 3 кн. Кн. 3. Для 4 кл. Ч. 1 / сост. М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М.: Просвещение, 2004.
  10. *Малиновский, Б.* Магия, наука и религия / Б. Малиновский // Магический кристалл: магия глазами ученых и чародеев / сост. Т. И. Касавин. – М.: Республика, 1994.
  11. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития / А. Г. Махрова, Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш. – М.: Новый хронограф, 2008.
  12. *Некрасов, Н. А.* Тишина / Н. А. Некрасов // Родная речь : учеб. по чтению для учащихся нач. шк. : в 3 кн. Кн. 3. Для 4 кл. Ч. 2 / сост. М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М.: Просвещение, 2004.
  13. *Нефедова, Т. Г.* Российские дачи как социальный феномен / Т. Г. Нефедова // SPERO. – 2011. – № 15. – С. 161–172.
  14. *Никитин, И. С.* Воспоминания о детстве / И. С. Никитин // Родная речь : учеб. по чтению для учащихся нач. шк. : в 3 кн. Кн. 3. Для 4 кл. Ч. 1 / сост. М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М.: Просвещение, 2004.
  15. *Платонов, А. П.* Сухой хлеб / А. П. Платонов // Родная речь : учеб. по чтению для учащихся нач. шк. : в 3 кн. Кн. 3. Для 4 кл. Ч. 2 / сост. М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М.: Просвещение, 2004.
  16. *Платонов, А. П.* Цветок на земле / А. П. Платонов // Родная речь : учеб. для 3 кл. нач. шк. : в 2 ч. Ч. 2 / сост. Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова. – М.: Просвещение, 2005.
  17. *Покровский, Н. Е.* Дезурбанизация и природный капитал: миграционные тренды, инфокоммуникация и новые сельские поселения / Н. Е. Покровский, Т. Г. Нефедова. – М., 2013.
  18. Родная речь : учеб. по чтению для учащихся нач. шк. : в 3 кн. Кн. 3. Для 4 кл. Ч. 1 / сост. М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М.: Просвещение, 2004.
  19. Родная речь : учеб. для 3 кл. / сост. М. С. Васильева, Л. А. Горбушина, Е. И. Никитина, М. И. Оморокова. – М.: Просвещение, 1974.
  20. Родная речь : учеб. для 1 кл. нач. шк. / сост. Л. Ф. Климанова, М. В. Голованова, В. Г. Горецкий ; под ред. Л. Ф. Климановой. – М.: Просвещение, 2004.
  21. *Рубцов, Н. М.* Тихая моя родина / Н. М. Рубцов // Родная речь : учеб. по чтению для учащихся нач. шк. : в 3 кн. Кн. 3. Для 4 кл. Ч. 2 / сост. М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М.: Просвещение, 2004.
  22. *Твардовский, А. Т.* Две кузницы / А. Т. Твардовский // Родная речь : учеб. по чтению для учащихся нач. шк. : в 3 кн. Кн. 3. Для 4 кл. Ч. 1 / сост. М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова. – М.: Просвещение, 2004.

23. Чтение и литература. 3 кл. : учебник : в 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост. О. В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2003.
  24. Чтение и литература. 4 кл. : учебник : в 3 ч. Ч. 2 / авт.-сост. О. В. Джежелей. – М.: Дрофа, 2004.
-

Spisok literatury:

1. Lee, E. A. Theory of Migration//Demography / E. A. Lee. – 1966. – № 1. Vol. 3. – P. 47–57.
2. Aksakov, S. T. Detskie goda Bagrova-vnuka / S. T. Aksakov // Chtenie i literatura. 3 kl. : ucheb. : v 2 ch. Ch. 2 / avt.-sost. O. V. Dzhezhelej. – М.: Дрофа, 2003.
3. Ocenka shkol'nyh uchebnikov s pozicij lichnostnyh smyslov i uchebnyh zadach : nauch.-metodich. materialy / A. D. Andreeva, E. E. Danilova, I. V. Dubrovina, G. A. Suvorova. – М.: Lika, 2003.
4. Bianki, V. Kolhoznyj kalendar' / V. Bianki // Rodnaja rech' : ucheb. dlja 2 kl. / sost. M. S. Vasil'eva, L. A. Gorbushina, E. I. Nikitina, M. I. Omorokova. – М.: Prosveshhenie, 1974.
5. Bunin, I. A. Rodine / I. A. Bunin // Rodnaja rech' : ucheb. po chteniju dlja uchashhihsja nach. shk. : v 3 kn. Kn. 3. Dlja 4 kl. Ch. 1 / sost. M. V. Golovanova, V. G. Goreckij, L. F. Klimanova. – М.: Prosveshhenie, 2004.
6. Vlasova, T. A. Reprezentacija nacional'noj kultury v sovremennyh russkih i udmurtskih bukvarjah / T. A. Vlasova // «Na fone Pushkina vospitanoe detstvo»: pedagogika vizual'nogo v uchebnike i na kartine : sb. st. i materialov / pod red. M. V. Tendrjakovoj, V. G. Bezrogova. – Moskva, 2011. – (Trudy Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara «Kul'tura detstva: normy, cennosti, praktiki»; vyp. 8). – S. 16–33.
7. Vse naselenie, gorodskoe i sel'skoe, po polu i vozrastu // Vserossijskaia perepis' naseleniia 2002 goda. T. 2. Vozrastno-polovoï sostav i sostoianie v brake. [Élektronnyï resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31>.
8. Kak Il'ja iz Muroma bogatyrem stal / bylina v pereskaze I. V. Karnauhovoj // Chtenie i literatura. 4 kl. : ucheb. : v 3 ch. Ch. 2 / avt.-sost. O. V. Dzhezhelej. – М.: Дрофа, 2004.
9. Kol'cov, A. V. Urozhaj / A. V. Kol'cov // Rodnaja rech' : ucheb. po chteniju dlja uchashhihsja nach. shk. : v 3 kn. Kn. 3. Dlja 4 kl. Ch. 1 / sost. M. V. Golovanova, V. G. Goreckij, L. F. Klimanova. – М.: Prosveshhenie, 2004.
10. Malinovskij, B. Magija, nauka i religija / B. Malinovskij // Magicheskij kristall: magija glazami uchenyh i charodeev / sost. T. I. Kasavin. – М.: Respublika, 1994.
11. Moskovskaja oblast' segodnja i zavtra: tendencii i perspektivy prostranstvennogo razvitija / A. G. Mahrova, T. G. Nefedova, A. I. Trejvish. – М.: Novyj hronograf, 2008.
12. Nekrasov, N. A. Tishina / N. A. Nekrasov // Rodnaja rech' : ucheb. po chteniju dlja uchashhihsja nach. shk. : v 3 kn. Kn. 3. Dlja 4 kl. Ch. 2 / sost. M. V. Golovanova, V. G. Goreckij, L. F. Klimanova. – М.: Prosveshhenie, 2004.

13. *Nefedova, T. G.* Rossijskie dachi kak social'nyj fenomen / T. G. Nefedova // SPERO. – 2011. – № 15. – S. 161–172.
14. *Nikitin, I. S.* Vospominanija o detstve / I. S. Nikitin // Rodnaja rech' : uceb. po chteniju dlja uchashhihsja nach. shk. : v 3 kn. Kn. 3. Dlja 4 kl. Ch. 1 / sost. M. V. Golovanova, V. G. Goreckij, L. F. Klimanova. – M.: Prosveshhenie, 2004.
15. *Platonov, A. P.* Suhoj hleb / A. P. Platonov // Rodnaja rech' : uceb. po chteniju dlja uchashhihsja nach. shk. : v 3 kn. Kn. 3. Dlja 4 kl. Ch. 2 / sost. M. V. Golovanova, V. G. Goreckij, L. F. Klimanova. – M.: Prosveshhenie, 2004.
16. *Platonov, A. P.* Cvetok na zemle / A. P. Platonov // Rodnaja rech' : uceb. dlja 3 kl. nach. shk. : v 2 ch. Ch. 2 / sost. L. F. Klimanova, V. G. Goreckij, M. V. Golovanova. – M.: Prosveshhenie, 2005.
17. *Pokrovskij, N. E.* Dezurbanizacija i prirodnyj kapital: migracionnye trendy, infokommunikacija i novye sel'skie poselenija / N. E. Pokrovskij, T. G. Nefedova. – M., 2013.
18. Rodnaja rech' : uceb. po chteniju dlja uchashhihsja nach. shk. : v 3 kn. Kn. 3. Dlja 4 kl. Ch. 1 / sost. M. V. Golovanova, V. G. Goreckij, L. F. Klimanova. – M.: Prosveshhenie, 2004.
19. Rodnaja rech' : uceb. dlja 3 kl. / sost. M. S. Vasil'eva, L. A. Gorbushina, E. I. Nikitina, M. I. Omorokova. – M.: Prosveshhenie, 1974.
20. Rodnaja rech' : uceb. dlja 1 kl. nach. shk. / sost. L. F. Klimanova, M. V. Golovanova, V. G. Goreckij ; pod red. L. F. Klimanovoj. – M.: Prosveshhenie, 2004.
21. *Rubcov, N. M.* Tihaja moja rodina / N. M. Rubcov // Rodnaja rech' : uceb. po chteniju dlja uchashhihsja nach. shk. : v 3 kn. Kn. 3. Dlja 4 kl. Ch. 2 / sost. M. V. Golovanova, V. G. Goreckij, L. F. Klimanova. – M.: Prosveshhenie, 2004.
22. *Tvardovskij, A. T.* Dve kuznicy / A. T. Tvardovskij // Rodnaja rech' : uceb. po chteniju dlja uchashhihsja nach. shk. : v 3 kn. Kn. 3. Dlja 4 kl. Ch. 1 / sost. M. V. Golovanova, V. G. Goreckij, L. F. Klimanova. – M.: Prosveshhenie, 2004.
23. Chtenie i literatura. 3 kl. : ucheb. : v 2 ch. Ch. 2 / avt.-sost. O. V. Dzhezhelej. – M.: Drofa, 2003.
24. Chtenie i literatura. 4 kl. : ucheb. : v 3 ch. Ch. 2 / avt.-sost. O. V. Dzhezhelej. – M.: Drofa, 2004.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2014, № 4